

он попал в народ в измененной редакции. Разобраться в этом этнографу не всегда легко.

Некоторым из песен мы дали объяснения на основании исторических справок, к другим приложили поясняющие смысл предания. Насколько удачно сведен наш труд, – пусть судят другие, но мы сделали все, что могли и будем счастливы, если наша скромная лепта найдет место в области трудов о словесных памятниках народа.

Александровск, 6 декабря 1893 года.

**Малорусские исторические песни, собранные в Екатеринославщине .
1874 – 1903 г. – Екатеринослав, 1908 г.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из многочисленного песенного материала, собранного в Екатеринославщине, в настоящий сборник выделены нами песни исторические. По содержанию они обнимают следующие отделы: I) песни времен борьбы с мусульманским миром и поляками; II) песни, связанные со временем падения Сечи и дальнейшей судьбой Запорожья; III) запорожские вирши, сатира и аллегория; и IV) песни времен крепостного права. Распределяя материал, на строгость системы мы не претендовали. Основываясь на исторических источниках, некоторым песням 1 отд. мы дали пояснения в тексте сборника, другим уделяем место ниже сего. Такое отступление от принятых правил позволяем себе сделать в виду условий службы, лишивших нас возможности составить объяснение ко времени сдачи рукописи в печать.

Касаясь мест записей, должны заметить, что, за малым исключением, песни собраны в старожитных селах Поднепровья, основанных запорожскими казаками. Обильный и богатый по содержанию материал дали местечки и села правого берега Днепра: Никополь (бывшая Никитинская Сечь), Капиловка или Капулировка – Чертомлыцкая Сечь, Покровское – последняя Сечь на р. Пидпильной и с. Языково (Федорово) – Екатеринославского уезда; левого берега: Кушугумовка (Больше – Екатериновка) и Краснокутовка (М.-Екатериновка) – у Великого Луга, Вознесенка на Днепре, Новогупаловка на балке Вербовой, Покровское на р. Волчьей и немногие др. села Александровского уезда и село Ольгинское, на р. Волновахе, – Мариупольского уезда.

Запечатленные в народной памяти песни борьбы с татарами и турками в поэтических красках рисуют прошлое Малороссии, её исторический быт, её бессмертных героев. Вот несколько сюжетов, одинаково интересных и для историка и для художника: а) сторожевого козака одолевает сон, и он склоняется на могиле. Девушка будит его и указывает в поле орду (стр. 5 и 6); б) козак выбивается из турецкой неволи,

блуждает на усталом коне близ Дуная и просит зозулю (кукушку) указать дорогу на родину (стр. 8); в) в долине разложен огонь, а возле – пленная украинка плачет в объятиях турка и просит отпустить на волю (стр. 9); г) в зеленой диброве (дубраве) умирает козак. Конь «добывает копытом земли цилющой, воды живущой помазать раны порубани, постриляни». Чувствуя близкую кончину, козак просит коня известить родных (стр. 11); д) в темном лугу, под вербою, стоит козацкое знамя, под ним умирает кошевой атаман. В головах свеча горит, в ногах джура сидит, оплакивает своего пана кошевого (стр. 12); е) в степи умирает козак. К нему подлетает орел и начинает выклевывать глаза. Называя орла братом, козак просит оставить его в покое, пока он жив (стр. 13, Б); и ж) в поросшей травой степи лежит убитый козак. В виде трех ласточек к нему слетается родня и горько оплакивает (стр. 14, Г) и т. д., и т. д.

В дальнейших вариантах излагается скитальческая жизнь малороссийского народа во время владычества Польши.

Мрачными красками рисуют нам летописи эпоху Богдана Хмельницкого и последующих за ним гетьманов¹. В то время, когда неистовство Польши дошло до отдачи жидам православных церквей в аренду, когда козацких детей варили в котлах, а жен калечили, когда во всем остальном, по словам летописи, тиранство поляков превосходило мучительства Фараона, – народ правой стороны Днепра толпами разбежался в левобережную Украину. При таком повальном бегстве многие крестьянские семьи гибли от руки жолнеров, многие недосчитывали своих членов². Дети нередко попадали в татарскую неволю или неведомо росли на чужбине, а затем, случайно, встречаясь брат с сестрой в зрелом возрасте, вступали в брак. Такую судьбу рисует нам песня «Брат и сестра» (стр. 16 – 20). В первом варианте (стр. 17, А) братья встречаются с сестрой в лесу и вступают в кровный грех. После расправ, один из братьев говорит:

Зведім (сестру) на дорогу,
На зеленую діброву,
Та станемо рядочками,
Зацвітемо квіточками.
Ти зацвітеш синенько, –

¹ См.: монография *Костомарова* «Богдан Хмельницкий» и «Руина», *Владимирский-Буданов* – «Передвижение южно-русского населения в эпоху Хмельницкого»; *Антонович и Драгоманов*. Исторические песни малорусск. народа, т. 2. Думы – «Угнетение Украины жидами-рындарями и восстание», стр. 20 – 32.

² Некоторые подробности народного бедствия изложены нами на стр. 25 – 29, 40, 54 и 56 настоящего сборника.

Я зацвіту жовтенько:
Люди скажуть травиця,
Аж то братик, сестриця.

Во втором варианте (стр. 1, 8, Б) брат женится на сестре, но после обнаруженного родства, выражает отчаяние:

Який тепер свит настав,
Шо брат сестри не пізнав,
Які тепер попи стали, –
Сестру с братом обвінчали.
Іди сестро в монастирь, –
Нехай тебе Бог простить,
А я піду в темний ліс, –
Нехай мене звір із'їсть.

В подобном же роде изложены варианты на стр. 19 и 20.

Помимо песен, которым посвящены объяснения, к угнетению козачков поляками относятся также варианты «Виїзд козака» (стр. 22) и «Запорожцы в польській неволі» (стр. 61 и 62).

Из любимых народных героев воспеты: Морозенко, Супрун, Перебийнос, Нечай и Палий. Из множества вариантов, записанных о польском ватажке Савве, нами приведено два наиболее полных и к ним присоединены попутно собранные предания (стр. 65 – 74).

«Харцизник Савка», как называет его народ, был внук запорожского кошевого Якова Чалого (1696 г.). В 1730-х годах он занимал должность сотника на Украине, участвовал в гайдамакском движении против поляков, а в 1736 г., ради личных выгод, присягнув Речи Посполитой, сделался злейшим врагом запорожцев. В последующие 1738 – 1740 г.г. он не раз врывался в запорожские владения, разорял зимовники и, наконец, с надворными козаками Потоцкого напал на запорожский гард¹ (1740 г.) на Буге, разорил поселение и сжег церковь. Последнее обстоятельство довело запорожцев до крайнего озлобления, и изменник Савва поплатился головою². Достоинно внимания, что во всех вариантах песни взятие Саввы певцы приписывают характерству Гнатка Голого с участием братка Кравчина.

Ой ще не світ, ой ще не світ, ой ще не світає,
А вже Гнатко с Кравчиною коники сідлають. (стр. 65)

Или:

На тім боці на толоці – будто орел криче,
Коли глянув Гнатко-братко, аж Кравчина плаче. (стр. 74)

Однако в козацком смысле, под именем Кравчины следует разу-

¹ По Скальковскому – военный и рыболовный стан (Истор. Нов. Сечи, 1, 22).

² Костомаров. Истор. казач. «Русская Мысль», 1886, июль, стр. 60 – 67.

меть запорожскую ватагу или отряд.

Редкая песня о Железняке и Гниде (стр. 75) относится ко времени насильного введения унии. Доведенный до крайнего ожесточения православный народ выразил свой протест в поголовном восстании, известном под именем гайдамацкого движения или Колиивщины. В 1768 году восстание это повлекло за собою разрушение богатых поместий Потоцкого, Любомирского и др. и, наконец, закончилось беспримерной в летописи Уманской резней¹.

Песни II отдела иллюстрируют замыслы московских вельмож против Сечи, её падение, бегство козаков за Дунай и последующую судьбу Запорожья, до переселения на Кубань включительно.

Настроение козаков и картинные подробности атаки Сечи изложены в вариантах «Разорение Сечи» и «Калнышевский, – последний кошевой» (стр. 84 – 89). В первой песне (вар. А, стр. 84, 85) запорожцы обращаются к царице с просьбой возвратить вольности, но получают отказ и упрек. Кошевой Калныш в свою очередь бросает упрек козакам, подчеркивая их поведение, навлекшее гнев царицы:

... Ой казав я, хлопці, удалі молодці, – не шаліте,
До церкви ідуче, – люлек не куріте,
В неділеньку, до схід сонця, горілки не пийте ...
Ой ви ж, хлопці, не слухали, й неділі не читили,
До церкви йшли, – пустовали та люльки курили,
В неділеньку, до схід сонця, горілочку пили ...

В этих же и дальнейших вариантах, покидая «Степи добрі, край веселій», запорожцы оплакивают свою шербатую долю.

В III отделе, после распространенной вирши «Ой бандуро моя золотая», помещена песня «Кошевой Хрыстя», а в пояснении приведен забавный рассказ певца, как «ченці-козаки» избрали в кошевые «бабу». Песня сшивная, набранная из других вариантов, но при помощи пояснения рассказчика представляет интересное целое. Затем песня «Иваненко, Василенко и козак Павло» (стр. 104) – является оригинальной и редкою в материале устного народного творчества.

Аллегорическая песня «Сокол і орел» (стр. 107) представляет судьбу Малороссии, присягнувшей московскому царю при Богдане Хмельницком.

В отделе IV, характеризующем быт крепостного права, помещено всего 6 песен, при чем первые пять записаны в Екатеринославщине, а последняя «После панщины» доставлена нам в рукописи из Волынской губернии. Судя по сходству с вариантами, разобранными Косто-

¹ Скальковский. История Новой Сечи, изд.3, 11, 305 – 358; Кребс – Уманская резня.

маровым¹, песни, за исключением первой «Самосуд турбаївців» (стр. 113), представляют наследие крепостного быта Польши с некоторыми изменениями местного характера. Что касается песни «Самосуд турбаївців», то она занесена с места катастрофы – Хорольского уезда, Полтавской губ. козаками, высланными по повелению Потемкина в «степные места», а в том числе и на Великолужские дачи племянницы его графини Екатерины Скавронской, к числу которых принадлежала и д. Кушугумовка, – место записи песни.

Событие, изложенное в песне, в коротких словах таково. Ещё в 1711 году гетман Апостол закрепостил козаков села Турбаи. За смертью его в 1733 г., Турбаями владела его вдова. В 1738 году в судьбе турбаевцев принял участие миргородский полковник Капнист, и они внесены были в козацкие компуты (родовые списки). С течением времени населенное имение переходило из рук в руки и, наконец, в 1767 г. перешло по купчей помещику Базилевскому, потомку козацких старшин. После смерти последнего, богатые и занимавшие видное положение сыновья его, – к слову сказать, получившие высшее образование в Пруссии, – безмерно начали эксплуатировать крестьян своего обширного поместья, а турбаевцев, отобрав у них документы на козацкие права, заставили отбывать барщину. Это обстоятельство сначала дало повод к побегам турбаевцев, а затем 8 июня 1789 г. дело разыгралось катастрофой, жертвой которой и были два брата и сестра Базилевские. После длинного процесса это повело к поголовному выселению турбаевцев и уничтожению самого названия села².

В памятниках живого поэтического слова малорусский народ оставил нам драгоценный материал, дополняющий летопись. В думе и песне, как в зеркале, мы видим отражение его души и мыслей, его истории, его геройских подвигов. Однако, с вымиранием старых людей, уносится в могилу и старая память. Собираателями первой половины XIX стол. кн. Цертелевым, Максимовичем, Срезневским, Кулишем, Костомаровым и друг. из уст народа записаны превосходные думы: а) плач невольников на турецкой каторге (галере); б) о побеге трех братьев из Азова; в) о Байде (Вишневецком); г) о поединке козака Голоты с татаринцом; д) об Алексее Поповиче; е) бегство Самуила Кишки из турецкой неволи; ж) о Марусе Богуславке; з) о смерти куренного атамана Федора Безродного; и) о Богдане Хмельницком; к) об угнетении Украины жидами-риндарями и проч. Думы эти тогда распевали в славной Украине и Новороссии Братица, Никоненко, Романенко, Григоренко, Колыбаба, Дуб, Вересай и многое множество других бандуристов и лирников.

¹ История Козач. «Русск. Мысль» 1880 г., июль.

² Ефименко. – «Южная Русь», 2, 144.

Этнографы начала 1870-х годов, отмечая факт исчезновения бандуристов в центральной Малороссии, называли имена последних из могикиан¹. С 1874 г., собирая остатки старины в Екатеринославщине, бандуристов мы уже вовсе не встречали, не слышали и дум. Правда, по ярмаркам Новороссии встречались лирники, – не перевелись они и теперь, – но репертур их беден и не идет далее исполнения песен и псалмов о пятницах, о страшном суде, Варваре, Николае, Лазаре и мн. др. апокрифического характера.

Исторические песни, как и думы, также близки к забвению. Их поют старики, но вовсе не интересуется ими молодежь. Вот почему, при записях, мы дорожили не только полными песнями, но и фрагментами их.

По содержанию и полноте лучшие песни козацкого века записаны на запорожских пепелищах. Певцами и повествователями нашими были по преимуществу старики. Домоседы и печкуры зимою, – в летнюю пору деда эти не засиживались в хатах; пристанищем их служили рыбачьи коши в Великом Лугу, на островах и косах Днепра, у берегов Хортицы и на порогах. В качестве караульчиков много стекалось дедов и на бакши о-ва Хортицы. Бакшевный курень с сытными харчами менонита, степное раздолье влекли не только местных хлеборобов, но и захожих под разными кличками².

Ровно 30 лет в кругу этих носителей исторической поэзии, в кругу заправских спивак, кашеваров, нюхарей и курильщиков нам пришлось коротать дни и ночи! В настоящее время все эти деды сошли в могилу, но память свежа, и сколько приятных воспоминаний оставило общение с ними, сколько запечатлено поэтических картин! Днем под тенью верб и скал, ночью под звездным небом у пылающего костра, окруженного седыми, с смуглыми лицами дедами, – вот обстановка, при которой велись наши беседы и записи. Плодом таких экскурсий и является настоящий сборник.

К слову заметим, что часть песен настоящего сборника, записанных до 1894г., напечатана в VI т. «сборника Харьковского историко-филологического Общества», но многие из вариантов, в виду ограниченных средств Общества, подвергнуты большому сокращению и не избегли типографических погрешностей.

Александровск.

Я. Новицкий
24 марта 1908 года.

¹ Записки Ю.О.Р.Г. Об-ва, Киев, 1874 г., т.1, реферат А.А.Русова, стр.309 и т. 2, 1875., реферат П.С.Иващенко, стр. 109.

² Местные старики всегда отличали захожих земляков прозвищами. В роде бурлак, бродяг, забродчиков и пройдисвитов (бывалых) и друг., судя по впечатлению, какое производила на слушателей биография пришельца.